

Освящающие практики в военном деле Византии VII-XI веков

В представленной статье проводится анализ практик, призванных по мнению византийских авторов VII-XI веков освятить военные действия и способствовать благоприятному их исходу. Сообщения историков позволяют достаточно уверенно утверждать, что в указанную эпоху сформировался своеобразный ритуал, включающий в себя мероприятия перед началом кампании, особые действия перед важными сражениями, включающими в себя использование конкретных реликвий.

Ключевые слова: Византия, военное дело, почитание реликвий, освящение оружия и места боя, Крест Господень, Риза Богоматери, Мандилион, история Константинополя.

Любая крупная война требует мобилизации всех сил общества, не оставляя в стороне и его религиозную составляющую. В эпоху Средних веков практически все стороны конфликтов в Европе и на Ближнем Востоке прибегали к помощи молитв и разного рода реликвий. Византийская империя, в этом вопросе не только не была исключением, но и сама задавала тон в подобных действиях, становясь примером для многих государств востока и юга Европы. В этой небольшой работе мы планируем провести анализ использования разного рода сакральных действий в Византии VII-XI веков, призванных освятить поле боя и принести победу ромеям, противостоящим разного рода варварам.

При общем неприятии войны, о котором часто говорят исследователи, и свойственном наследникам Рима оборонительном мышлении, они не считали зазорным внести в это крайне неблагочестивое дело небольшой элемент святости.

Если же война становится неизбежной, то она должна быть максимально приближена к своеобразному канону. «Образцово-показательная» война, как описывают ее Константин Багрянородный, Лев Мудрый и другие авторы, должна происходить после решения всех важных внутренних проблем страны, более того ведение войн рассматривается именно как продолжение заботы императора о государстве [см. 6, с. 170].

Лев VI настаивает: «Установи для себя достижение справедливости конечной целью ведения войны, подобно тому, как ты это же

имел в виду, приступая к ней. Если война будет вестись на принципах зла и бесчестия, то это подействует на войско разлагающе: каждый подвергнет осмеянию твою опрометчивость, а враги отнесутся с презрением к твоей основательности, поскольку ты как будто бы и хотел, но не смог действовать справедливо и достойно» [3, с. 331].

Война должна вестись обстоятельно, с предварительной подготовкой и обучением солдат, причем в наступившую эпоху считает правильным и похвальным царю лично возглавлять армию, «ведь истинный властитель обязан первый встретить опасность и ради благополучия подданных добровольно принять на себя труды и муки» [6, с. 170].

Перед выступлением в поход должны быть проведены соответствующие церемонии, такие как освящение знамен, фламул и разного рода знаков. Перед самым сражением необходимо, чтобы сознание воинов «было очищено от прегрешений благословением иерархов» [3, с. 331].

Особо действенной считалась молитва императоров, выступающих в эти минуты как заступники за войско и весь народ в целом. Один из самых ярких примеров такого подхода является рассказ Константина Багрянородного об отражении очередного рейда мусульман. «Как то раз написал ему [византийскому полководцу по имени Андрей] эмир Тарса слова, полные безумия и хулы на Господа нашего Иисуса Христа, Бога и Его Святейшую Матерь... Взял он тогда это поносное письмо и великим плачем возложил к образу Богородицы... и сказал: «Смотри, Мать Слова и Бога, и Ты, Передвечный от Отца... как кичится и злобствует на избранный народ Твой сей варвар, спесивец и новый Сенихирим, будь же помощницей и поборницей рабов Твоих, и да узнают все народы силу Твоей власти». Такое... говорил он, а потом во главе ромейского войска выступил против Тарса» [6, с. 180]. Параллель этого рассказа библейскому повествованию 4 Цар. 18: 13 – 19: 37 очевидна, равно как и его итог – эмир-богохульник терпит страшное поражение и гибнет в разгар битвы.

Примечательно, что историки акцентировали именно роль василевса в этом действии, отводя собственно священнослужителям лишь вспомогательную роль. Иногда упоминались и святые подвижники, которых так же просили выступить заступниками перед

Богом за находящуюся в опасности страну, но эти случаи имели эпизодический характер.

Вероятно, такое акцентирование роли императоров делалось специально, чтоб подчеркнуть их особый – сакральный – статус. Создается впечатление, что большинство историков относили молитвы об успешном исходе военных действий не к обычным вопросам благочестия, а к общим военным задачам, лежащих в сфере ответственности государственных институтов.

В «Тактике Льва» мы находим многочисленные апелляции к Богу, личная приверженность автора христианству очевидна. По числу упоминаний разного рода религиозных сюжетов этот трактат превосходит все остальные, в том числе и «Стратегикон Маврикия». Однако в отличие от последнего, в «Тактике» Лев VI выстраивает очень четкую иерархию Бог – император – стратиг – архонты – воины.

Роль духовенства и Церкви явно вторична. Священники подчинены стратигу и упоминаются только в связи со своей функцией: обеспечивать высокую мораль солдат и способствовать победе войска. Их место в этой лестнице на уровне архонтов. Провинциальные епископы находятся чуть выше, примерно на уровне самого полководца.

Патриарх и высший епископат не упоминается вообще. Во-первых, «Тактика» обращается к стратигу, вообще не связанному со столичным духовенством. Во-вторых, в приведенной схеме они явно лишние: между императором и Богом не может быть никаких посредников. Если вспомнить крайне неоднозначные взаимоотношения Льва VI с высшим духовенством, то подобный подход в трактате о военном деле воспринимается вполне естественным и отражающим личные взгляды автора на этот счет.

Для стратига и его войска долг по отношению к василевсу имеет явно сакральный характер и тождественен служению Богу. Хотя сам термин «священная война» в тексте отсутствует, автор явно принимает саму суть этого понятия – войны императора против иноверцев оправдываются волей Бога и Его провидением. Христианизация же рассматривается как элемент внешней политики, направленной на замирение соседей [см., например, 3, с. 274-275].

Тем не менее, важность и необходимость священнослужителей в обычной жизни страны «перед лицом Бога» не отрицалась, и попытки императоров заявить о своей сакральной миссии вне экс-

траординарных случаев воспринимались отрицательно, что особенно отмечалось при критике иконоборцев.

Также непонятно, были ли такие молитвы императоров их личными импровизациями, которые облакались в литературную форму уже самими историографами, или же существовали какие-либо сборники, в которые входили бы тексты, используемые в стандартных ситуациях на войне – аналоги русских воинских требников или «militarprayerbook», используемых на Западе. Имеющиеся источники свидетельствуют больше в пользу первого варианта.

Еще одним постоянно упоминаемым способом освящения войска перед сражением и способствованию успешного его исхода было использование особо почитаемых реликвий. В городах Византии хранили достаточно много артефактов: вещей, принадлежащих святым, Богородице и, даже, Самому Христу. Однако, в случае военных действий особо важными считались лишь некоторые из них. Анализ этих предпочтений ромеев интересен не только сам по себе, но и может помочь реконструкции их отношения в войне вообще.

Мы можем выделить три основных типа реликвий, упоминаемые византийскими историками в связи с военными сюжетами:

- Крест Господень и связанные с ним артефакты;
- «Спас Нерукотворный» и его копии и подражания;
- Реликвии, связанные с отдельными святыми, оказывающими покровительство тем или иным городам.

Теперь же рассмотрим мотивы их использования по очереди.

Первыми по важности для христианского мира в целом являются реликвии связанные со смертью и воскресением Христа. Многие из них были собраны в Константинополе в особом храме-реликварии, Церкви Богородицы Фаросской, которая была расположена в центре ансамбля Большого дворца, близ административного сердца страны – тронного зала (Хризотриклиния) и императорских покоев. Здесь хранились большие части Святого Креста, Терновый венец, орудия Страстей – Копие и Гвозди, Багряницы и Погребальные пелены.

Представленная работа не может подробно касаться истории этих артефактов и проблемы их подлинности, для нас важно понять, почему именно эти реликвии использовались для освящения войска.

Если проанализировать многочисленные упоминания Святого Креста и орудий Страстей в богословии и гимнографии, то можно

достаточно легко выделить аспекты, связанные с мифологемой победы жизни над смертью. Учитывая весьма непростое окружение и наполненную войнами историю Византии, становится вполне объяснимым, что в мировоззрении ромеев тема смерти и варварских набегов стала тесно связываться. Как следствие и победа Христа над адом, стала приобретать и вполне земные аспекты. Грубо говоря: «если Спаситель победил саму смерть, то Ему не составит большого труда победить и сонмы врагов, осаждающих верных Его имени людей».

Важнейшее влияние на появление этой мысли оказала история войны Византии с Хосроем II 602-629 годов, о которой было подробно рассказано выше. Именно в этой войне стала активно использоваться тема Креста как орудия победы, а высшей точкой триумфа империи стало его торжественное возвращение в Иерусалим и несение в храм Гроба Господня самим Ираклием.

Будучи собранные в Константинополе, эти реликвии активно участвовали в религиозной жизни столицы. К ним прибегали во время бедствий, что нашло отражение в некоторых православных чинопоследованиях. Так хорошо знакомый многим верующим чин малого освящения воды вырос именно из константинопольского ритуала, обычно совершавшегося 1 августа.

Из-за местных особенностей именно в этом месяце устанавливалась переменчивая погода, приводившая к частым болезням среди горожан. Для того чтобы защититься от них совершалось торжественное омовение частей Св. Креста, а затем этой водой кропились стены, жилые дома и, наконец, сами жители Константинополя.

Помимо регулярного времени совершения этого чина, существовала практика его проведения «по надобности». Так он мог совершаться перед началом похода или уже во время самой кампании солдат на границе могли поддерживать, посылая воду, освященную при омовении Честных Древ.

В случае больших угроз к этим святыням прибегали и непосредственно, так, по описанию А.М. Лидова «Святыни царского храма... создавали некую икону Страстей, символизирующую мощь империи... реликварии Честного Креста участвовали в особых императорских церемониях на полях сражений. Перед императором шел кубиккулярый (постельничий), который «нес Честной и Животворящий Крест в ларце, висящем на его шее». За ним шел знаменосец, несущий процессионный крест с частицей Честного Древа. Связь

реликвий лично с императором подчеркивалась статусом постельничего, не просто демонстрировавшего символ высшего могущества на своей груди перед готовыми к бою войсками, но и указывавший на сакральное пространство императорских покоев и расположенной рядом домово́й церкви, из которой были собраны частицы в реликварий. В подобных обрядах вся армия становилась сопричастна сакральному пространству» [4, с. 85-86].

Следующими по важности реликвиями, игравшими, по мнению ромеев, важную роль в выживании империи перед лицом многочисленных врагов были Мандилион и Керамион, связанные с историей появления образа «Спаса Нерукотворного» и оказавшие большое влияние на аналогичные сюжеты на Руси.

Окончательное формирование традиции, включавшей в себя историю появления этого образа, его почитание и повествования о случившихся чудесах относится к VII веку. Согласно наиболее распространенной и авторитетной истории, Мандилион, своего рода «фотография», сотворенная Самим Христом, был послан для исцеления царю Эдессы Авгарю. Такой вариант легенды зафиксирован уже у Евсевия Кесарийского.

Он же приводит и переписку Христа с Авгарем, что уже не могло не подчеркнуть уникальный для христиан той эпохи статус этой реликвии, ставшей не только «единственным прижизненным портретом» Спасителя, но и единственным сохранившимся сочинением, написанным Им лично.

Евсевий упоминает некий документ, написанный по-сирийски, который повествует о продолжении этой истории: Авгарь и его сын получают исцеление, а апостол Фаддей, получает возможность беспрпятственной проповеди [см. 1].

Можно достаточно пространно говорить о многочисленных аспектах этой истории, ее богословском осмыслении, но для нашей работы имеет особое значение использование этого образа для защиты города. При этом, по сути, мы имеем дело с двумя реликвиями: собственно Убрусом и прилагающимся к нему письмом Христа.

Несколько позже появляется принципиально важное добавление к тексту письма. Помимо обещания исцеления лично царя, там появляются слова: «Твой град находится под Моим благословением, и ни один враг не овладеет им» [цит. по: 8, р. 73]. Посетившая Эдессу в начале 80-х годов IV века Эгерия упоминает легенду о чудесном

спасении города от персов еще при жизни Авгаря, прочитавшего это письмо перед лицом наступавших врагов [2, с. 187-189].

Так сложился некий ритуал, включавший в себя общегородское моление перед Убрусом и чтение письма, неоднократно повторявшийся затем во время многочисленных войн с персами. Прокопий Кесарийский в VI веке упоминает об этом как об уже сложившейся и освященной временем традиции. Сам же текст письма в его время был уже начертан на самих воротах города [5, с. 155-156].

Этот обычай стал распространяться по другим городам империи, А.М. Лидов комментирует это так: «в Филиппах в Македонии сохранились фрагменты монументальной надписи, в древности выгравированной на городских воротах, точно так же, как и в Эдессе. Однако Письмо Христа с защитным благословением было адресовано не городу Филиппы, но именно Эдессе. Это парадоксальное несоответствие может быть объяснено в понятиях иконоческого видения: повторением священной надписи на вратах македонского города авторы замысла стремились продемонстрировать, что Филиппы в определенном смысле является иконой Эдессы как святого града, получившего благословение самого Христа. Особое сакральное пространство эдесских вратмогло быть скопировано и перенесено в географически сколь угодно удаленное место» [4, с. 140]. Начали появляться и попытки распространить эту традицию на частные дома, и, даже, на отдельных людей, носивших специальные амулеты со словами из письма Христа Авгарю.

Только в VII-VIII веке почитание Нерукотворного Образа стало выдвигаться на первый план, чему, возможно, способствовала полемика с иконоборцами. Наконец в 944 году при императоре Константине VII Багрянородном состоялось торжественное перенесение Убруса, которому отныне предстояло находиться в реликварии церкви Богоматери Фаросской в Константинополе.

История с письмом, тем не менее, не забывается, а становится как бы обоснованием использования самого Мандилиона и написанных на его основе икон в качестве военных знамен и надвратных образов, причем не только в Византии, но и на Руси. При этом образы часто обрамляются широко известной анаграммой «IC XC NIKA», подчеркивающий именно военный аспект почитания этой реликвии.

Сам факт появления Нерукотворенного Образа, как отмечает Лидов [4, с. 149], связывается византийцами с историей Моисея и

появления скрижалей Завета, что, наш взгляд, так же имеет определенные аллюзии на военную тематику. Ведь Моисей в Ветхом Завете предстаёт не только в качестве пророка, но и вождя, благословляющего войска на победу (Ис. 17: 9-13).

Военное значение святыни подчеркивает и рефендарий Григорий, завершающий свою речь по случаю переноса Мандилиона в Константинополь молитвенным призывом: «О, Совершенный Сын Совершенного Отца, Слово, Премудрость, Отпечаток, Изображение... не откажись призреть на войско, [избранное] против силы кощунствующих..» [7].

Таким образом, почитание Убруса оказалось тесным образом связано с военными делами самой историей его появления и установившимися с IV-VI веков способами почитания.

Вполне естественно, что помимо святынь общехристианского значения заметную роль играли и реликвии, связанные с важными для того иного города святыми. Практически в каждом крупном городе империи существовала традиция особого местного почитания лиц, оказавшихся исторически связанными с этими местами. Так в Фессалониках особо почитался Дмитрий Солунский, заступничеству которого приписывали, в том, числе и сохранение города во время войн. В Эфесе было развито почитание Божией Матери и ап. Иоанна Богослова, долгое время живших в этом городе. Что же касается почитания св. Ианнуария в Неаполе или ап. Марка в Венеции, то эти традиции, начавшиеся в византийские времена, остаются важными моментами жизни этих городов и поныне.

Однако, по вполне понятным причинам, лучше всего сохранились сведения о почитании Богородицы в Константинополе. Буквально сразу же после основания этот город стал связываться именно с культом Пречистой Девы. Считалось, что Она особым образом покровительствует именно византийской столице.

Тропарь на праздник «обновления Царьграда» сообщает: «Град Богородице предаёт и посвящает своё начало Божией Матери, от Которой он берет силу свою и долговечие, Которой хранится и укрепляется, и взывает к Ней: Радуйся, надежда всех концов земли».

Богородичен 9 песни канона Андрея Критского так же указывает на особый статус имперской столицы, посвященной Приснодеве Марии: «Град Твой сохраняй, Богородительнице Пречистая, в Тебе бо сей верно царствуяй, в Тебе и утверждается, и Тобою побеж-

даяй, побеждает всякое искушение, и пленяет ратники, и проходит послушание».

Нашло отражение это и в архитектуре, помимо того, что многие церкви столицы были посвящены именно Богородице, в главном храме империи Святой Софии сохранилось изображение Марии на престоле, по обеим сторонам которого предстоят императоры Юстиниан, вручающий ей макет самого этого храма и Константин, символически посвящающий Христу и Богородице свой новый город.

Поэтому неудивительно, что связанная с Ней символика стала тесным образом переплетаться с жизнью города. Так, Луна – символ Марии – стала и узнаваемым символом Константинополя, согласно общераспространенному поверью во дни растущей Луны город был особо защищен и не мог быть взят штурмом. Сохранилось масса преданий о том, что Она лично являлась защитникам города во время осад и своей силой обращала в бегство многочисленных врагов (например, при осаде арабами в 677 и 717 годах).

Исходя из этого, неудивительно, что реликвии связанные с Богородицей играли важнейшую роль в религиозной жизни города. Одним из самых важных артефактов подобного рода был хранившийся во Влахернском храме Покров (мафорий), сыгравший важнейшую роль в событиях осады Константинополя русами в 860 году.

Примечательно, что даже иконоборцы не смогли изменить общего отношения столицы к своей небесной покровительнице. Так продолжатель Феофана сообщает, что во время защиты Константинополя от Фомы Славянина, Михаил Травл оборудовал свой штаб в храме Богородицы во Влахернах в том числе и чтобы вымолить победу от «Со-стратегиссы», а его сын и будущий император Феофил обходил стены со священниками, несущими Честной Крест и Покров Божией Матери [см. 6, с. 44-45].

Использовалась эта реликвия и в «мирных целях», так отправляясь на встречу с царем болгар Симеоном Роман I Лакапин «прибыв во Влахерны вместе с патриархом Николаем, вошел во святую усыпальницу, простер руки в молитве, а потом пал ниц и, орошая слезами святой пол, просил... Богородицу смягчить... гордого Симеона и убедить его согласиться на мир. И вот открыли святой кивот, где хранился святочитимый омофор святой Богородицы и, накинув его, царь слово укрыл себя непробиваемым щитом, а вместо шлема водрузил свою веру в непорочную Богородицу и так вышел из храма» [6, с. 252].

Аналогично высокую роль в жизни столицы играли чтимые иконы Божией Матери: Одигитрия, также сохраняемая во Вла-хернском храме, Никопея – образ Марии держащей перед Собой Богомладенца в круге, как на щите, хорошо известном на печатях Ираклия и его преемниках и многие другие.

Проявив полководческое искусство и личное мужество, император не может не одержать победу, даже если в реальности результаты его трудов оказывались весьма скромны, о них следовало писать именно в таком ключе. Византийские историографы были достаточно умелы, чтоб сгладить сообщение о неприятном исходе того или иного похода, не прибегая к откровенной лжи.

Возвращение в столицу победителя так же не могло обойтись без религиозной составляющей, символизирующей победу богоспасаемой державы и возвращение к нормальному ходу вещей, прерванных войной. Входящий в город триумфатор отправлялся в храм св. Софии, где возносил благодарственные молитвы, часть добычи жертвовалась церквям или монастырям. Константин Багрянородный упоминает и о победном венце, которым патриарх Игнатий несколько раз венчал возвращавшегося из походов его деда [см. 6, с. 172-172].

Лев VI так же предписывает победившему военачальнику: «Прежде всего, тебе следует вознести благодарение Господу Богу нашему Иисусу Христу, и если еще до победы было обещано, что после победы будет воздан какой-либо благодарственный дар, не упусти из виду этот дар воздать» [3, с. 247].

Самый известный случай такого триумфа произошел в самом начале эпохи, после тяжелейшей войны с персами. Завершивший ее символический акт состоялся не в Константинополе, а в Иерусалиме, куда Ираклий торжественно вернул захваченный ранее Крест Господень и лично отнес его на Голгофу. Именно это событие стало образцом всех последующих победных шествий императоров и оказало серьезное влияние на православное богослужение.

Согласно XIX главе 2 книги «О церемониях» [PG 112 1132b-1144b], входящий в город триумфатор отправлялся в храм св. Софии, где его встречал патриарх и совершал там каждение престола при пении благодарственных гимнов, посвященных Богородице, в том числе и «Взбранной Воеводе». Могли так же исполняться и специально написанные к этому дню песнопения. После этого в окружении толпы василевс следовал на форум Константина и заходил в

храм, посвященный основателю города. Там исполнялись соответствующие случаю победные стихи, взятые из Ветхого Завета, в частности песнь Моисея «Коня и всадника вверже в море...» (Ис. 15: 1-19).

Пленники, причем в тексте прямо называются «знатными сарацинами», лежали в ногах у василевса, причем над их шеями держали оружие, а после пения прокимна «Кто Бог велий, яко Бог наш» и ектении с прошением «о еже покорити под ноги их всякого врага и супостата» поднимались и отводились в сторону. Заканчивалась торжественная служба многолетием императору, раздачей даров, причем часть добычи так же полагалось пожертвовать церквям или монастырям.

Таким образом, очевидно, что византийцы подходили достаточно серьезно к идее превращения поля боя или даже всего похода в своеобразное сакральное действо, стараясь достигнуть желаемого исхода не только чисто военными, но и различными религиозными средствами.

Так был сформирован своеобразный ритуал, включающий в себя мероприятия перед началом кампании, особые действия перед важными сражениями, включающими в себя использование конкретных реликвий, и возвращение с победой в столицу.

Литература

1. Евсевий Памфил. Церковная история [Электронный ресурс]. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Evsevij_Kesarijskij/tserkovnaja-istorija/ (дата обращения: 15.04.2017).
2. К источнику воды живой. Письма паломницы IV века / пер., ред. Н. С. Марковой-Помазанской. – М., 1994.
3. Лев VI Мудрый. Тактика Льва. – СПб., 2012.
4. Лидов, А. М. Иеротопия. Пространственные иконы и образы-парадигмы в византийской культуре. – М., 2009.
5. Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. – М., 1993.
6. Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей. – СПб., 2009.
7. Речь референдаря Григория по случаю переноса в Константинополь эдесского образа в 944 году [Электронный ресурс] / – URL: <http://www.pravoslavie.ru/sretmon/turin/rechgrig.htm> (дата обращения: 15.04.2017).
8. Sigal J. B. Edessa «The Blessed City». Oxford, 1970.

Consecrations practices in Byzantium warfare in the 7th-11th centuries

This article analyzes practices called in opinions of Byzantine authors of 7th-11th centuries upon consecrate military actions and promote their favorable outcome. The reports of historians make it possible to state quite confidently that in this period a kind of ritual was formed, including events before campaign, special actions before of important battles with using specific relics.

Keywords: Byzantium, warfare, veneration of relics, consecration of weapons, the True Cross, the Theotokos Holy Robe, Mandylion, the history of Constantinople.

References

1. Eusebius of Caesarea. *Cerkovnaya istoriya* [Church History]. [Electronic resource]. Mode of access: https://azbyka.ru/otechnik/Evsevij_Kesarijskij/tserkovnaja-istorija/ (date accessed 20.05.2018).
2. K istochniku vody zhivoj. Pis'ma palomnicy IV veka [The source of the living water. The 4th century pilgrim's letters]. Moscow, 1994.
3. Leo VI the Wise. *Taktika L'va* [Tactica of Lion]. St Petersburg, 2003.
4. Lidov A.M. *Ierotopiya. Prostranstvennye ikony i obrazy-paradigmy v vizantijskoj kul'ture* [Hierotopy. Spatial Icons and Image-Paradigms in Byzantine Culture]. Moscow, 2009.
5. Procopius of Caesarea. *Vojna s persami. Vojna s vandalami. Tajnaya istoriya* [Persian War, Vandal War, Secret History]. Moscow, 1993.
6. Theophanes Continuatus. *Zhizneopisaniya vizantijskih tsarej* [Biographies of the Byzantium Imperators]. St Petersburg, 2009.
7. Rech' referendariya Grigoriya po sluchayu perenosa v Konstantinopol' ehdesskogo obraza v 944 godu [The speech of Referendary Gregory on the transfer The Mandilion to Constantinople in 944] [Electronic resource]. Mode of access: <http://www.pravoslavie.ru/sretmon/turin/rechgrig.htm> (date accessed 20.05.2018).
8. Sigal J.B. *Edessa «The Blessed City»*. Oxford, 1970.